

выбора и позволяющих нести ответственность за реализацию этого решения. Иными словами, педагогическое сопровождение – это взаимодействие (особый вид совместной деятельности), в ходе которого обучающийся выполняет действие, а педагог создает условия для осуществления и осмысления этого действия. Основные итоги сопровождения – это не только знания, способы работы, самостоятельная образовательная деятельность, но и осознание и осмысление результатов образования самим учеником.

Отличия педагогического сопровождения дистанционного обучения обусловлены, прежде всего, особенностями самого дистанционного обучения, а также спецификой коммуникативного взаимодействия педагога и обучающихся в условиях обучения на расстоянии. Под педагогическим сопровождением дистанционного обучения мы понимаем реализуемую в многообразных формах и приемах систему взаимосвязанных действий, мероприятий, обеспечивающую квалифицированную помощь студенту на протяжении учебного процесса. На наш взгляд, задача преподавателя дистанционного обучения создать максимально комфортные условия в процессе обучения и уверенности в том, что в случае необходимости есть человек, к которому он может всегда обратиться за помощью и поддержкой. Особенно эти помощь и поддержка важны при изучении иностранного языка в условиях дистанционного обучения.

Литература

1. Андреев, А.А. Определимся в понятиях [Текст] / А.А. Андреев // Высшее образование. – 1998. – №4. – С. 44-48.
2. Полат, Е.С. Теория и практика дистанционного обучения [Текст] / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева; Под ред. Е.С. Полат. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 416 с.
3. Трайнев, В.А. Дистанционное обучение и его развитие [Текст] / В.А. Трайнев, В.Ф. Гуркин, О.В. Трайнев. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2007. – 294 с.
4. Михайлова, Н.Н. Педагогическая поддержка ребенка в образовании [Текст] / Н.Н. Михайлова, С.М.Юсфин, Е.А.Александрова; Под ред. В.А. Сластинина. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 288 с.
5. Богословский, В.И. научное сопровождение образовательного процесса в педагогическом университете: методологические характеристики [Текст] / В.И. Богословский. – СПб: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – 142 с.
6. Губанова, М.И. педагогическое сопровождение социального самоопределения старшеклассников: теория и практика учителя [Текст] / М.И. Губанова. – Кемерово: Издательство ГОУ «КРИПО», 2002. – 207с.

Р.Е. Богачёв (г. Белгород)

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ КАК ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Исходя из самого термина «языковая картина мира», становится ясно, что помимо её существуют и другие «картины мира». Действительно здесь нельзя не упомянуть о научной, религиозной или космогонической картинах мира. Основообразующим понятием является сам термин «картина мира». Для того чтобы пояснить, что это такое, обратимся к исследованиям М. Хайдеггера. Вот что он гово-

рит о сути понятия «картина мира». «Что такое - картина мира? По-видимому, изображение мира. Но что называется тут миром? Что значит картина? Мир здесь выступает как обозначение сущего в целом. Это название не ограничивается космосом, природой. К миру относится и история. Впрочем, даже природа, история и обе вместе в своем подспудном и навязанном взаимопроникновении не исчерпывают мира. Под этим словом подразумевается и мирооснова независимо от того, как мыслится ее отношение к миру [12, с. 49].

Язык как деятельность рассматривается и в философской концепции Л. Витгенштейна. По его мнению, мышление имеет речевой характер и по существу является деятельностью со знаками. Философ уверен в том, что вся классическая философия по проблеме знаковости мышления только запутала то, что вполне ясно: «Из верного тезиса о том, что внешняя знаковая форма мысли, взятая сама по себе, вне связи с ее смыслом, мертва, не следует, будто для сообщения ей жизни к мертвым знакам должно просто добавить нечто нематериальное» [1, с. 204]. В противовес этому утверждению Витгенштейн выдвигает иное положение: *жизнь знаку дает его употребление*. При этом «значение, которое присуще словам, не является продуктом нашего мышления» [1, с. 117]. «Значение знака есть его применение в соответствии с правилами данного языка и особенностями той или иной деятельности, ситуации, контекста». Поэтому одним из важнейших вопросов для Витгенштейна является соотношение грамматического строя языка, структуры мышления и структуры отображаемой ситуации. Предложение – модель действительности, копирующая ее структуру своей логико-синтаксической формой. Отсюда: в какой мере человек владеет языком, в такой степени он знает мир. Языковая единица представляет не некое лингвистическое значение, а понятие, поэтому Витгенштейн не разграничивает языковую картину мира и картину мира в целом.

Л. Витгенштейну приписывают особую роль во введении термина «картина мира» как модели действительности в научный обиход, при этом важно, что Витгенштейн вполне осознавал метафоричность этого термина и подчеркивал его синонимичность психологическому понятию «образ мира».

По мнению В.П. Зинченко, образ мира – это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии. Объективная действительность воспринимается индивидом только через образ мира, при этом в каждый момент восприятия в мышлении индивида существует то, что а) является объектом актуального смыслопорождения, б) то, что находится на уровне сознательного контроля, в) то, что неосознаваемо, но в процессах познания участвует [4, с. 128].

По мнению О.Д. Ивицкой, «картина мира» является основополагающим понятием, отражающим специфику человека и его бытия, его взаимоотношения с окружающим миром, а так же условия его существования в этом мире. «Картина мира – это исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека». [5, с. 123] Автор особо отмечает, что это всегда субъективный образ объективной реальности, так как картина мира является всего лишь интерпретацией, а не зеркальным отображением явлений действительности. Картине мира свойственно изменение, а сле-

довательно, она имеет динамический характер и направлена на познавательный процесс. Она возникает в процессе контактов человека с миром, при этом опыт и формы контактов характеризуются огромным разнообразием. О.Д. Ивицкая приводит несколько «мировых картин»:

- языковая картина мира (ЯКМ) – продукт сознания, результат взаимодействия мышления действительности и языка как средства выражения мыслей о мире;
- концептуальная картина мира представляет собой гораздо более широкое понятие, так как в её создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные;
- Специфические способы средства номинации, характерные для данного национального варианта языка, отражает номинативная картина мира, являющаяся неотъемлемой частью ЯКМ. [5, с. 122]

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что картина мира – это продукт человеческого мышления, полученный при взаимодействии человека с окружающим миром. Языковая картина мира включает в себя ещё и язык в качестве своеобразного фильтра или трафарета, по которому мы мыслим.

Таким образом, можно заключить, что соотношение картины мира (КМ) и языковой картины мира (ЯКМ) это продолжение давнего спора о соотношении языка и мышления.

Приведём по этому поводу высказывания лингвистов и не лингвистов (философов): Великий немецкий энциклопедист, основоположник общего языкознания как точной науки Вильгельм Гумбольдт, считал язык формирующим органом мысли. Развивая этот тезис, он говорил, что язык народа – это его дух, а дух народа – это его язык. «Язык есть орган, образующий мысль...интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое.» [3, с. 68]

Как писал М.К. Мамардашвили: «Слова в нашем языке... существуют не случайно. Ведь человеческий язык – самое кумулятивное явление, какое только существует, то есть “напичканное умом”, упакованное внутри истории. У слов есть ум – не наш ум, отдельных людей, которые произносят слова, а ум самого языка». «Постараться узнать то, что ты сказал – это и есть познать себя, в том смысле, в каком Сократ произносит эту фразу.» [7, с. 56]

Поскольку язык формирует модель мира с некоторым искажением или трансформацией, язык оказывается «посредником» между человеком и действительностью. Как писал А.Р. Лурия: «Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно воспринимаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами. Таким образом, слово – это особая форма отражения действительности. Человек может произвольно вызывать эти образы независимо от их реального наличия и, таким образом, может произвольно управлять этим вторичным миром» [6, с. 48].

Э. Сепир отмечал, что: «...границы языка и мышления в строгом смысле не совпадают. В лучшем случае язык можно считать лишь внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщённом уровне символического выражения. Наш взгляд на природу языка можно сформулировать ещё следующим образом: язык по своей сути есть функция дорассудочная. Он смиренно следует за мышлением, структура и форма которого скрыты и лишь при определённых обстоятельствах могут быть истолкованы;

вопреки общераспространённому, но наивному взгляду, язык не есть ярлык, заключительно налагаемый уже на готовую мысль.» [10, с. 31]

Б. Уорф признавал влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в повседневной оценке тех или иных явлений. Основа языковой системы (грамматика) не есть, по мнению автора, просто инструмент для воспроизведения мыслей. Напротив, грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза. [11, с. 97]

А.А. Потебня отмечал, что нет языка без понимания, но понимание возможно только посредством слов, незаменимых самою выразительной мимикой. По мнению А.А. Потебни, принявши дух в смысле сознательной умственной деятельности, предполагающей понятия, которые образуются только посредством слова, мы увидим, что дух без языка невозможен, потому что сам образуется при помощи языка и язык в нём есть первое по времени событие. [9, с. 33]

М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский приходят к выводу: «Сознание не имеет «языка» для себя, а имеет только «язык» для психики, и этим языком является язык символов». [7, с. 34]

В этой связи можно отметить, что особое место среди функций языка занимают те дифференциальные признаки, которые в современной лингвистике именуются этноконнотациями.

Базовым для лингвокультурологии является понятие культурной коннотации. В самом общем виде это - интерпретация денотативного или образно мотивированного аспектов значения в категориях культуры [2, с. 214]. Это то, что связывает язык, культуру и специфику этнических особенностей. Иными словами: этноконнотативный изоморфизм (типология общечеловеческого) и алломорфизм (типологические особенности специфики частного). Есть мнение, что эта связь реализуется через культурную метафорическую коннотацию. Такая культурно-маркированная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания фразеологического единства или метафоры посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами. Таким образом, соотнесение с тем или иным культурным кодом составляет содержание культурно-национальной коннотации. Именно культурная коннотация придаёт культурно-значимую маркированность не только значениям фразеологического единства, символам или метафорам, но и смыслу всего текста, в котором они употребляются. Механизм возникновения коннотаций связан с усилением отдельных аспектов значения (часто за счёт яркой внутренней формы слова, на базе которой возникают наиболее стабильные ассоциации). Ассоциации при этом образуют мотивирующую основу для возникновения коннотаций; прямое значение слова выступает как внутренняя форма по отношению к значению переносному.

В коннотации реализуются потенциальные ресурсы номинативной системы языка, ибо коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно-национальную языковую картину [8, с. 56].

Обобщая всё вышесказанное, с полной уверенностью можно высказать одно

важное заключение – несмотря на обилие работ в этом направлении от Гумбольдта до наших дней, эта тема остаётся открытой. Очевидно то, что определение языка как средства общения не может вместить в себя все его функциональные качества. Язык неотделим от специфики мышления своего этноса и впитывает в себя всю его культуру как в синхроническом, так и в диахроническом отношениях.

Литература

1. Витгенштейн Л. Избранные работы. – М.: 2005. – 436 с.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. Общ. ред. Т.В. Рамишвили, послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: ОАОИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М., 1985. – 451 с.
4. Зинченко В.П. Проблемы психологии развития. (Читая О. Мандельштама) // Вопросы психологии. – 1992. – № 3-4.
5. Ивицкая О.Д. Некоторые современные тенденции возникновения и заимствования лингвокультурем Великобритании, США и России и роль социальных факторов в их формировании // Юбилейный сборник статей. – М.: Научно-образов. центр. «Школа Китайгородской», 2000. – С. 109-121.
6. Лурия, А.Р. Язык и сознание. – М.: МГУ, 1998. – 335 с.
7. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 216 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: «Академия», 2001. – 208 с.
9. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993.
11. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. – М., 1960. – С. 135-198.
12. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Пер. с нем. / Составл., переводы, вступ. статья, примеч. А.В. Михайлова. – М.: Гнозис, 1993. – 464 с.

И.В. Бойчук (г. Белгород)

К ВОПРОСУ ОБ АНГЛИЙСКИХ ФАМИЛИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Нельзя не согласиться с мнением Ю. А. Рылова, считающего, что антропонимы являются важнейшим компонентом лексической системы любого языка [1].

В то же время, как известно, лексика – наиболее подвижная и подвергающаяся внешним воздействиям область языка [2].

А.И. Рыбакин отмечает, что “после Нормандского завоевания Англии ... в период двуязычия 11-14 вв. английский антропонимикон претерпел радикальные изменения, его состав значительно увеличился за счет французских заимствований” [3].

После Нормандского завоевания в Англию переселилось довольно значительное количество французов, расселившихся в основном в Лондоне и других городах юго-восточной Англии, т.е. на территории формирования современного английского языка. Среди переселенцев, помимо аристократов, было множество торговцев, ремесленников, монахов, в результате чего не только высшее дворянство, но и значительная часть среднего класса были французскими [4]. Эти переселенцы были активно задействованы в этногенезе современной английской нации – имела